

И.Е. Каплан

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Нельзя понять смысл этого стихотворения, не зная, при каких обстоятельствах оно было написано. За распространение произведения «Смерть Поэта» Лермонтов был арестован и содержался в здании Главного штаба. По воспоминаниям Шан-Гирей вспоминал:

«...пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу, и на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: “Когда волнуется желтеющая нива...”; “Я, мать Божия, ныне с молитвою...”; “Кто б ни был ты, печальный мой сосед”, и переделал старую пьесу “Отворите мне темницу”, прибавив к ней последнюю строфу “Но окно тюрьмы высоко”».

Эти произведения связаны с переживаниями, раздумьями поэта в дни заточения (этот цикл стихов назван «тюремным»).

В дни одиночества так естественно было обращение поэта к Тарханам, краю детства. Об этом — стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...». Глеб Иванович Успенский в очерках о крестьянском труде зло отозвался о нем:

«Тут перемешаны и климаты (?!) и времена года, и все так произвольно выбрано (?!), что невольно рождается сомнение в искренности поэта, что, думается, вникая в его произведение, увидел ли бы он Бога в небесах и разошлись ли бы его морщины и т. д., если бы природа предстала перед ним не в виде каких-то отборных фруктов (?!), при особенном освещении (?!), а в более обыкновенном и простом виде?» Скажем, при «созерцании брусники, ежевики».

Можно только удивляться тому, как благородный человек, талантливый писатель мог написать подобное. Лермонтов не стремился воссоздать одну конкретную картину природы, вот почему в стихотворении соседствуют желтеющее поле (позднее лето) и ландыш (весна), утреннее и вечернее освещение растений. В памяти поэта возникли дорогие ему пейзажи: ключ, бегущий по оврагу, сад, бескрайнее поле, нежный ландыш, растущий под кустом...

Лермонтов как бы вновь вдыхает запахи, слышит звуки ветра, видит краски родной земли. Природа видится ему в неустанном движении: нива волнуется, слива прячется под тень листка, лес шумит, ключ играет и что-то лепечет, ландыш кивает головой. Глаз радуется богатству цветов: желтый, малиновый, зеленый, серебристый, розовый, золотистый.

Поэтические определения автора многосложны, замедленность в их произношении придает им особую значительность: *жел/те/ю/ща/я* (нива); *ма/ли/но/ва/я* (слива); *ела/до/стной* (тенью); *зе/ле/но/го* (листка); *ду/ши/с/той* (росой); *ру/мя/ным* (вечером); *се/ре/бри/стый* (ландыш); *сту/де/ный* (ключ); *та/ин/ствен/ну/ю* (сагу). Тропы — емки: *желтеющая* (нива) — это и цвет колосьев, и их зрелость; *волнуется* (нива) — колышутся тяжелые колосья, ждущие жатвы, *свежий* (лес) — лоснящаяся молодая зелень, чистый, бодрящий воздух.

Природа покоряет человека своей красотой и гармонией. Общение с этим миром умиротворяет душу, рождает «высокие минуты бытия».

Все 16 строк стихотворения — одно сложное предложение, точнее один период. В Толковом словаре Ушакова дано такое разъяснение этого понятия:

«Сложное синтаксическое построение для подробного развития мысли... употребляемое как стилистический прием с целью благозвучия, которое достигается ритмическим расположением частей, повышением и понижением голоса».

Итак, период — смысловое и интонационное единое целое. Стихотворение состоит из четырех строф. Первая — третья строфы — о многообразной природе края (поле, лес, сад, овраг), общении с ней лирического героя; четвертая, заключительная, строфа — о благотворном воздействии природы на человека.

От первой к третьей строфе усиливается общение героя с природой. В первой — как будто взгляд со стороны на окружающий мир; во второй — природа одухотворена. Ландыш как бы рад человеку, созерцающему его красоту, в третьей строфе — ключ делится рассказом о мирном крае, откуда он течет, и повергает слушателя в сон. Здесь меняется характер поэтических определений. Они эмоционально-оценочны: *таинственная (сага), мирный (край), смутный (сон)*. В последней, итоговой строфе — переход от мира природы к душе человека, а затем — к мирозданию:

И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Вижу — в значении *понимаю, осознаю*, что царящие в природе целесообразность, гармония обязаны Создателю. Однако последняя строка производит впечатление недосказанности: ни просьб, ни благодарности Творцу не последовало.

Как отметил историк литературы Б. Эйхенбаум, «через все стихотворение проведена определенная интонационно-синтаксическая система». Обратимся к тексту:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой...

Исследователь обратил внимание на то, что эти строфы сходны: в них интонация повышается к концу третьей строки и понижается в четвертой. В первой строфе три предложения, а во второй — одно, что делает интонацию более напряженной. В третьей строфе интонация повышается в четвертой строке. После нее — спад в четвертой строфе:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Герой обратился к миру души, а это потребовало спокойной сосредоточенности.

Многочисленные анафоры /Когда... — Когда... — Когда... — Тогда... — Тогда... — И... — И.../ придают стихотворению интонационную и композиционную завершенность.

Некоторые исследователи видели смысл стихотворения в примирении поэта с действительностью. Само содержание произведения, его композиция говорят лишь о недолговременном успокоении поэта от жизненных тревог. Оно наступает лишь при созерцании величия и значительности природы. Общество же дисгармонично, и постигнуть счастье там, где царствуют злоба и несправедливость, ложь и лицемерие — невозможно. Только при удалении от общества, его забвении «смиряется души... тревога», «расходятся морщины на челе». Но порой и общение с природой не заглушает душевную боль. Об этом поэт с горечью скажет в позднем своем творении «Выхожу один я на дорогу...»:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?

В стране, где «Свободы, Гения и Славы палачи» диктовали свои нормы поведения, Лермонтов не мог избавиться от горестных раздумий, душевной тревоги.